

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ
ЦАРСКОСЕЛЬСКОГО ПАРКА
В ПАРК КУЛЬТУРЫ И ОТДЫХА
В 1930-х годах

Статья посвящена важному эпизоду в истории садово-парковой культуры России, а именно, преобразованию Царскосельского парка в новый тип публичного досугового пространства, сформировавшийся в годы культурной революции, – в парк культуры и отдыха. Обстоятельства и механизмы трансформации английского пейзажного парка в парки культуры и отдыха реконструируются и анализируются на основе архивных материалов, а также периодических изданий раннесоветской эпохи.

Ключевые слова: садово-парковая культура, интеллектуальная история советской культуры, Детское Село, культурная революция.

Советизация культуры в 1930-х годах не была стратегически продуманной, последовательно реализовывавшейся программой. Многие в эпоху первых пятилеток решалось на ходу. Хаотический характер этих перемен неоднократно описывался в художественной, документальной и исследовательской литературе. Советские инновации строились не как реструктуризация старого культурного контекста или его риторическая трансформация. Их можно описать как переозначивание культурных практик и явлений, т. е. как поиск новых форм и функций элементов культуры в разгар борьбы за «новый быт».

Одним из наиболее ярких эпизодов культурной революции было создание парков культуры и отдыха (ПКиО) в Москве, Ленинграде и Петергофе¹. История этих проектов помогает реконструировать ключевые обстоятельства и концепты культурного строительства, развернувшегося в СССР в 1930-х годах. Советизация Детского Села была в меньшей степени связана с официальной

программой реформ и с идеологией. Этот город должен был быть преобразован в курортно-досуговую сферу нового типа, организованную по аналогии с городом-садом Эбенезера Ховарда². Изменения, которые пережил садово-парковый архитектурный ансамбль Царского Села, сформировавшийся в XVIII–XIX вв., свидетельствуют о трансформации историко-культурного контекста столь же явственно, как поэма Жака Делиля «Сады». Ю.М. Лотман в комментариях к этому тексту и в статье о нем реконструировал социокультурную ситуацию конца XVIII – начала XIX в., в которой новшества садово-парковой культуры и полемика о новых садовых стилях и вкусах играли существенную роль³. Создание детскосельского ПКиО – не менее яркий материал для этого раздела интеллектуальной истории.

Данная статья – попытка описать начало советизации Детского Села. Переозначивание элементов повседневной жизни и публичной сферы происходило одновременно в нескольких социально-культурных пространствах, которые абсурдным образом сосуществовали друг с другом, несмотря на то что сама их совместимость кажется мало вероятной. С одной стороны, в прессе шла оживленная дискуссия о том, как трансформировать Детское Село в город-сад, несмотря на то, что повседневная жизнь бывшей императорской резиденции в 1930-х годах была устроена по принципам коммунального общежития и вовсе не соответствовала представлениям английских социально-утопических урбанистов начала XX в. Столь же абсурдным в данной ситуации было и то, что в осуществленных проектах преобразования Детского Села за образец был взят немецкий луна-парк. Это плохо согласовывалось как с концепцией города-сада, так и с местным коммунальным бытом. Переживая эти противоречия во всей их полноте, Царское Село становилось советским садово-урбанистическим пространством.

Полемика о городе-саде

1930-е годы для бывшего Царского Села были временем многочисленных преобразований, зачастую не менее невероятных, чем жизнь страны в период первых пятилеток. Город, переименованный после революции в Детское Село, постепенно становился главным курортным центром в окрестностях Ленинграда. Дворцы и парки, принадлежавшие императорской семье и знати, стали музеями и «зонами культурного отдыха», открытыми для всех слоев населения. Детское Село сыграло свою роль в помпезном и абсурдном

праздновании 100-летия со дня смерти Пушкина: в 1937-м городу было дано имя поэта. Это было не последнее переименование, грозившее бывшей царской резиденции. После смерти Максима Горького обсуждалась инициатива назвать детскосельские парки в честь писателя, возглавившего культурную революцию (Большевицкое слово. 1938. 2 апр.). Первый советский парк культуры и отдыха – знаменитый Парк Горького – был образцом для многих садово-парковых проектов 1930-х годов. По всей видимости, по аналогии с московским ЦПКиО в 1936 году разрабатывался грандиозный план «единого культурного зеленого массива Детское Село – Слуцк», который объединил бы бывшие резиденции в Царском Селе и Павловске (Социалистический пригород. 1936. 1 янв.). План этот не был реализован, но он был далеко не единственной утопической фантазией о новой жизни царскосельских садов.

Если Екатерининский парк рассматривался как исторический памятник, который необходимо оберегать от нового быта, Александровский парк, напротив, ждало преобразование в парк культуры и отдыха. Именно в нем были сосредоточены спортивные, досуговые и развлекательные площадки. В 1940 году руководители Антирелигиозного музея, Пушкинского и Павловского дворцов-музеев обсуждали вопрос о создании в Александровском парке луна-парка⁴. Против этого выступал знаменитый писатель-фантаст Александр Беляев, долгие годы живший в Детском Селе: «Мы проявили бы непочтительность к его <Пушкина> имени, если бы в парках, где расцветал его гений, внедрили бы рестораторы <...>». А. Беляев был убежден, что сад «не совместим с продажей пива и дешевыми аттракционами в стиле мещанских лунапарков». Писатель предложил альтернативный вариант реконструкции – создание Парка чудес – «нечто вроде Дома занимательной науки и техники». В Парке чудес могли бы быть отдел звездоплавания с «подковой», дающей на мгновение ощущение невесомости, Сен-Сирской каруселью, «кориолисовым ускорением», вращающимися шарами, иллюстрирующими центробежные силы, безвоздушными камерами «мирового пространства» Циолковского. Беляев мечтал о постройке ракетодрома, где каждый смог бы посетить аттракцион «космический полет в ракете» (Большевицкое слово. 1938. 28 нояб.). Советский фантаст начал полемику, в ходе которой ему было предложено разработать площадки и аттракционы для детского городка (Большевицкое слово. 1940. 3 марта). Война помешала реализации этих идей. Фантазии поклонника Жюль Верна и Константина Циолковского остались на страницах местной городской газеты.

Среди невероятных проектов преобразования Детского Села особой популярностью пользовалась идея создания здесь города-сада. Об этом говорили и представители власти, и писатели, и дизайнеры. Председатель местного райсовета некто Капустин на прениях о культурном развитии города призывал: «Надо превратить Детское Село в подлинно социалистический город, город здорового отдыха» (Социалистический пригород. 1935. 3 янв.). С подобных инициатив и начиналось строительство здесь санаторно-курортной зоны в 1930-х годах. А. Беляев предавался утопическим грезам о том, каким должен быть этот город, в фантастическом рассказе, опубликованном в местной газете: «Пушкин стал подлинным городом-садом, городом-здравницей и городом науки. <...> Все промышленные предприятия выведены за черту городу, по ту сторону железнодорожного полотна. <...> Город вмещает десятки санаториев, домов отдыха и детских домов. <...> Здесь, в тишине, среди парков, прудов и лесов, как некогда в старом Гейдельберге, процветает наука» (Большевицское слово. 1939. 1 янв.). Писателю Вячеславу Шишкову, который в эти годы тоже жил в Пушкине, казалось, что этот город-сад существует не в мечтах, он уже есть в реальности, это идеальный город будущего. Композитор Даниил Френкель вспоминал, как однажды во время прогулки в парке Вячеслав Шишков сказал ему: «Вот когда-нибудь все города будут у нас, как этот парк. Помяните мое слово... много воздуха, зелени, – простор человеку нужен. Будущие социалистические города – это города-сады, и это обязательно будет»⁵.

Вряд ли председатель райсовета и советские писатели собирались реализовать под Ленинградом концепцию социального урбанизма Эбенезера Ховарда, который считается автором и главным пропагандистом идеи городов-садов. Ни знаменитый ховардовский план-магнит, ни другие элементы его проекта в дискуссии о реконструкции Детского Села не фигурируют. Вместо этого мы слышим в словах партийных руководителей и творческой интеллигенции энтузиазм строителей социализма, одна из формул которого была создана Владимиром Маяковским: «Через четыре года здесь будет город-сад» (стихотворение «Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка»). Преобразования Детского Села и Пушкина были частью утопического проекта первых пятилеток. Этот город планировалось сделать удобным для отдыха, лечения и творчества. Некоторым романтично настроенным реформаторам казалось, что для этого было бы достаточно разбить в нем много цветочных клумб. Городской садовод Лаговский, буквально понимавший концепт города-сада, на страницах пушкинской газеты писал: «Наш

город должен стать городом-садом. Цветы должны быть всюду: в садах, на балконах, у окон, в комнатах. Не должно быть ни одного сада без цветов» (Большевистское слово. 1939. 12 мая).

Коммунальный быт

Детскому Селу в начале 1930-х и Пушкину в конце десятилетия было необходимо не только озеленение. И город, и парк находились в запущенном состоянии. В прессе тех лет постоянно печатались материалы о плачевном состоянии привокзальной площади. На это сетовал, в частности, литературовед Лев Коган: «Даже въезд в наш город, привокзальная площадь, безобразна, грязна и убога: вот почему первая встреча с городом Пушкина производит тяжелое впечатление. Разве так уж трудно привести эту площадь в порядок, сделать ее нарядной. И разве не здесь место статуе Пушкина, нашего Пушкина, жизнелюбца, бойца, любимого народ и умевшего творить для него. Разве не он должен встретить эти тысячи людей, приезжающих почтить его память. Пока что их встречают уродливые ларьки, да пивная...» (Большевистское слово. 1938. 5 марта).

Парк тоже нужно было приводить в порядок. «Пруды заболачиваются, покрываются тиной, огромные стволы повреждены короедами», – возмущался журналист газеты «Социалистический пригород» (1935. 30 марта). Были разрушены некоторые мосты, в парке не доставало скамеек. «Даже такой бытовой вопрос – как уборная – и он “висел в воздухе”» (Социалистический пригород. 1934. 30 марта). Н.П. Сергеева – в первой половине 1930-х директора детскосельских дворцов-музеев и парков – нередко критиковали за беспорядок в ведении хозяйства и окрестили «неистовым комбинатором». Автор разгромной статьи в духе раннесоветских проработок писал: «вводная комната в екатерининский дворец превратилась в антихудожественный паноптикум, где уживаются одновременно диаграммы, кубистические панно и театрально-декоративная группа» (Социалистический пригород. 1934. 22 сент.). Впрочем, именно этот директор пытался бороться с хулиганством в парке, что было далеко не просто. Население вырубало садовые насаждения. В начале весны 1934 года было открыто восемь судебных дел о «порубке деревьев» (Социалистический пригород. 1934. 18 марта). Осенью того же года «группа хулиганов пыталась унести с постамента ... Александра Сергеевича Пушкина» (Социалистический пригород. 1934. 22 сент.).

В музее нередко случались кражи. Список пропаж в отчете дирекции за 1937 год раззадорит любого kleптомана: «яйцо аметистовое, коробочка миниатюрная с изображением лягушки, перочистка, миниатюрная фотография, бокальчик хрустальный, металлический стаканчик»⁶. Можно быть уверенным в том, что Константин Вагинов, описывая дикий быт детскосельского санатория в романе «Бамбочада» (1931), не сильно сгущал краски. Граффити на стенах «увеселительного павильона», поразившие воображение героя романа Евгения, не были в эти годы диковинкой. Приведем некоторые, особенно колоритные: «Отец с сыном во время своего отдыха посетили этот чудесный уголок», «Табуреткин дальше отказался говорить. 12.V.1929», «Здесь прождал Петров Александр. 1/1-30 г.»⁷.

Одной из самых болезненных проблем для Детского Села в те годы были рестораны, открытые в Камероновой галерее, Александровском дворце и садовых павильонах. Руководство музея боролось за то, чтобы эти помещения отдали под экспозицию или библиотеку, но до войны этот вопрос решить не удалось: «В Ферме должны были торговать исключительно молочными продуктами. Вместо этого трест столовых торгует здесь исключительно спиртными напитками» (Большевицкое слово. 1939. 24 июня). Пресса писала о том, что эти рестораны по ценам были сравнимы с дорогой «Асторией» в центре Ленинграда, но при этом были не очень хороши (Социалистический пригород. 1934. 18 марта). Михаил Кузмин в своем дневнике за 1934 год тоже отмечал, что в Камероновой галерее «дороговато и не очень вкусно»⁸. Рабковровский материал из местной газеты – наиболее выразительное свидетельство того, что готовили в таких заведениях плохо: «директор кафе-столовой т. Бульон <...> снят с работы за низкое качество продукции при завышенном сырьевом наборе, за незнание основных правил кулинарии и за отсутствие руководства производством» (Большевицкое слово. 1938. 12 апр.).

Другим камнем преткновения были коммунальные квартиры во дворцах и садовых павильонах. В Камероновой галерее на 1934 год жило около ста человек, в бывшем лице – около тысячи. Заселены жильцами были также Зубовский и Церковный флигели и Китайский дворец (Социалистический пригород. 1934. 18 марта; 15 мая). В некоторых коммуналках жило 20–30 человек (Большевицкое слово. 1938. 4 апр.). Выдержка из газетного материала дает достаточно полное представление об обстановке, царившей в этих зданиях (Социалистический пригород. 1934. 15 мая):

В б<ывшем> Церковном флигеле <...> уборные без воды, во флигеле – зловоние. Раковина в квартире 6 загрязнена. Кухонным очагом почти не пользуются. Употребляются примуса, что совершенно недопустимо, т. к. кв. 6 и 7 непосредственно примыкают к музейным помещениям дворца.

В Зубовском флигеле <...> развешивают и стирают белье. Жилые помещения Зубовского флигеля непосредственно соприкасаются с Купольным залом и Китайским залом и являются причиной появления сырости и порчи китайских лаковых панно.

В Камероновой галерее, в нижнем этаже, занятом жильцами, в наиболее антисанитарном состоянии находится коридор, не имеющий освещения. При входе в коридор мозаичный пол от колки дров разрушен. Отсутствуют стекла в дверях. Во многих местах вместо стекла – тряпки, фанера. Жильцы на подстриженных кустарниках развешивают белье. Из окон на кустарник выбрасываются мусор, помои. Стирка белья приводит к сырости в помещениях дворца. Кроме того, чрезвычайная скученность проживающих в Камероновой галерее создает пожарную опасность. Разрушается посторонними жильцами и помещение Китайского дворца.

В середине 1930-х начались дискуссии о том, как вернуть эти помещения детскосельскому музейному комплексу. 1 января 1934 г. вышло постановление ВЦИК о выселении «посторонних жильцов из дворцов-музеев» (Социалистический пригород. 1934. 30 марта). Чиновники и пресса пытались его реализовать. В 1935 г. «Детскосельский горсовет создал комиссию для освобождения Пушкинского лицея от частных жильцов» (Социалистический пригород. 1935. 16 июля). Но решена эта проблема будет только после войны. В конце 1930-х Лицей по-прежнему оставался коммунальной жилплощадью. Журналист «Большевистского слова» описывал его так: «В нижнем этаже на одной из дверей красуется плакат с надписью “Корь”. Подымаемся на четвертый этаж, где была комната поэта. В широком длинном коридоре обнаруживаем два чулана из свежего теса. На их дверцах надписи: “для мужчин”, “для женщин”» (Большевистское слово. 1939. 30 дек.).

Наиболее любознательные туристы стремились попасть в комнату 15, где, по преданию, жил лицеист Пушкин. Как правило, такие истории заканчивались анекдотически (Большевистское слово. 1938. 6 апр.):

Расспросив предварительно экскурсовода <...>, экскурсанты находят комнату поэта. Робкий стук в дверь... Несколько мгновений и снова стук.

– Скажите, это комната Пушкина? Позвольте нам взглянуть...
<...> Из-за двери раздается недовольный голос, осыпаящий экс-курсантов бранью.

Новый досуг

Впрочем, не стоит сгущать краски и думать, что быт жителей Детского Села и Пушкина был устроен из рук вон плохо. Коммунальные ужасы были только одной из сторон жизни периода первых пятилеток. 1930-е годы были также эпохой беспрецедентного коллективного энтузиазма и эксперимента по созданию нового общества. Парки культуры и отдыха были площадкой строительства новой социалистической реальности. В ПККиО посетителей посвящали в премудрости коммунистической идеологии, им разъясняли азы социалистического общежития, предоставляли информацию о текущей политической ситуации, а также приобщали их к спорту и разным формам культурного досуга. В Детском Селе так же, как в Москве, Ленинграде и Петергофе, одним из главных жанров садово-парковых мероприятий стали народные гуляния. Грандиозные празднества устраивались на новые советские праздники – например, в День Конституции (6 июля). Газета «Социалистический пригород» анонсировала это событие так: «Будет проведен большой карнавал в костюмах народов, населяющих Советский Союз. На спортивном поле выступят студенты орденоносного института физкультуры им. Ленина. На детскосельских прудах будет организовано катание на лодках с оркестрами музыки. В парке будут организованы массовые игры, пение и танцы. В парке будут играть три оркестра музыки» (Социалистический пригород. 1935. 6 июля). Перечислим некоторые гуляния, которые проводились в Пушкине во второй половине 1930-х годов: «Гулянье, посвященное Займу укрепления обороны СССР», «Оборонно-физкультурное гуляние», «Районный митинг-гуляние, посвященный Избирательному закону Социалистического Государства»⁹.

В программу этих мероприятий также могли быть включены митинг, кросс, фехтование, гимнастика (Большевицкое слово. 1938. 14 мая). С середины 1930-х к ним прибавились упражнения по гражданской обороне. В 1938 году «8 марта в ознаменование Международного коммунистического женского дня Райкомом ВЛКСМ и Райсоветом Осоавиахима был проведен пеший поход женщин в противогазах на дистанцию 3 км». В нем приняло участие более 300 человек (Большевицкое слово. 1938. 21 марта).

Пожалуй, самым грандиозным массовым мероприятием довоенного времени стала инсценировка боев с войсками Юденича, которые шли в районе станции Александровская в 1919 году. Инсценировка была осуществлена в июне 1939 года в Баболовском парке, в ней участвовали 30 тыс. посетителей. Парк был украшен лозунгами, флагами, на стендах были представлены достижения Осоавиахима, инструкторы рассказывали посетителям об истории обороны Петрограда. Вот как описывает эту историческую постановку журналист пушкинской газеты (Большевицкое слово. 1939. 18 июня):

В полдень началась инсценировка «боя». Баболовский парк превратился в «город», осаждаемый «противником». Разведка донесла, что «противник», находящийся на Пулковских высотах, пошел в наступление. В «городе» вводится угрожаемое положение. Слышится гул приближающихся самолетов. Раздаются пронзительные звуки сирен. Воздушная тревога! Еще несколько секунд – и все люди в противогасах. Они быстро скрываются под деревьями, маскируются.

Но вот показались самолеты. Бреющим полетом они проносятся над «городом». Сразу в нескольких местах раздаются оглушительные взрывы. Семь дегазационных, пять пожарных и три восстановительных команды быстро локализуют «пожары» <...> Бойцы медико-санитарной службы выносят «раненых» из «очага поражения», оказывая им первую помощь. «Пострадавших» от «иприта» отправляют на обмывочный пункт. <...>

Часть наземных сил «противника» <...> появилась на одной из опушек парка. <...> Осоавиахимовские части устроили дымовую завесу, подпустили «противника» на близкое расстояние, а затем забросали его гранатами и мощным штыковым ударом опрокинули «врага». После того, как атака была отражена, был организован митинг, плавно перешедший в парад и танцы, затянувшиеся до полуночи.

Помимо массовых мероприятий в Детскосельском парке была организована программа спортивного и культурного отдыха. Здесь можно было сдать нормы ГТО, устраивать пикники, купаться, посещать лекции и выставки, проводить время за чтением книг из местной читальни или уединиться в тихом месте. Во второй половине 1930-х годов досуговое пространство сада было разбито на сектора. Летом 1938 года была открыта «физкультурная база с баскетбольной и шестью волейбольными площадками, гимнастическим городком, футбольным полем», а также лодочная станция и «консультационные пункты по вопросам текущей политики»

(Большевистское слово. 1938. 21 марта). На «базе культурного отдыха» у горы Парнас в Александровском парке можно было взять напрокат гамаки, шезлонги, коврики, бильярд, шахматы, шашки, волейбольные мячи, спортивные гранаты для метания на дальность, примусы, сковородки и самовары, патефоны с пластинками, гитары и балалайки (Большевистское слово. 1938. 6 июня).

Для пикников была отведена специальная «зона» у Драконова мостика в Александровском парке (Большевистское слово. 1939. 18 апр.). В Собственном садике был восстановлен фонтан, бездействовавший с 1917 года, и устроен «сектор тихого отдыха» (Социалистический пригород. 1935. 8 июля). Накануне войны планировалось организовать филиал Публичной библиотеки в Камероновой галерее или Китайском дворце¹⁰ (Большевистское слово. 1940. 12 янв.). Рестораны и закусочные постепенно освобождали садовые постройки. Вместо пивной в Турецком павильоне в 1935 году был открыт шахматно-шашечный клуб. В то же время открывшийся в Гроте магазин «Гастроном» стал одним из наиболее популярных мест Детского Села в конце 1930-х годов.

Одним из любимых развлечений тех лет были прыжки с парашютом. В Александровском парке под парашютную вышку использовалось здание Арсенала. В 1937 году, согласно годовому отчету управления дворцами и парками, к услугам посетителей были также аттракционы «воздушная дорога», «летающие люди», «демонстрировались фильмы на воздухе»¹¹.

В Концертном зале регулярно проходили «лекции по вопросам литературы, музыки, текущей политики» (Социалистический пригород. 1935. 8 июля). Некоторые выступления носили характер идеологического инструктажа, как, например, лекция на тему «Иностранная разведка, шпионаж и диверсия на службе империализма», которую посетило около 800 человек¹². Выставки зачастую тоже несли на себе отпечаток времени. Достаточно перечислить несколько названий: «Оборона Красного Петрограда» в Александровском дворце (Большевистское слово. 1939. 12 июня), «Если завтра война» в Доме обороны (Большевистское слово. 1939. 18 апр.), «Ленинград к концу второй пятилетки» в Екатерининском дворце (Социалистический пригород. 1934. 30 марта). В Царском Селе была открыта выставка, посвященная юбилею Пушкина. Постоянная же экспозиция екатерининского дворца была дополнена новыми сюжетами, связанными с историей «труда и быта подневольных строителей» Царского Села¹³. Над исследованием этой темы в конце 1930-х годов работали многие научные сотрудники музея¹⁴.

В культмассовой работе пушкинского ПКиО не ладилось с затейничеством. В отчете о деятельности музея за 1937 год описан такой абсурдный эпизод: «Присланный в начале сезона УДПЛ затейник Метелкин, по распоряжению того же УДПЛ, был отстранен от работы, как не имеющий квалификации. Присланный вместо этого затейник Исурина была нами отстранена от работы, как не соответствующая своему назначению, и только затейник Мамонтов, работающий у нас с 5 августа, несколько более соответствовал своей работе»¹⁵.

В Детском Селе также было много детских санаториев, во время войны в Испании именно здесь был организован приют для испанских детей (Большевицкое слово. 1938. 4 апр.), в парке возле Китайского дворца был построен детский городок. Михаил Кузмин писал о городе счастливого детства не без сарказма: «Я сидел на берегу пруда. На другом берегу проходила... да, процессия, иначе как этим торжественным словом нельзя назвать то, что я увидел. Парно шли почти голые, стройные отроки лет шестнадцати и девушки лет 19<-ти> с высокими коленками в коротких белых одеждах. Шли быстро и стройно <...> Вблизи оказался Дет<ский> дом. Мальчики лет по 6 в трусах с кретиническими и преступными лицами, девочки лет по 9–10»¹⁶.

История преобразования Царского Села в город-сад – это история о расхождении между полемикой о проектах урбанистического развития, повседневной жизнью Детского Села и нововведениями, которые пережили парк и город в годы первых пятилеток. В этих несоответствиях, в этих процессах разновекторной направленности складывалась новая форма существования сада. Вместо создания садово-утопического пространства в духе идей Эбенезера Ховарда Детское Село трансформировалось в здравницу со спортивным комплексом и «базами» культурного досуга. Вторая мировая война разрушила эту жизнь с ее коммунальной дикостью, коллективистским энтузиазмом и верой в несбыточные мечты. Послевоенная реставрация многое изменила в бывшей императорской резиденции, которую так и не успели окончательно преобразовать в советский ПКиО. Именно в период восстановления Пушкина и был воссоздан тот царскосельский парк, который мы знаем сегодня.

- ¹ См.: *Кухер К.* Парк Горького. Культура досуга в сталинскую эпоху. 1928–1941. М., 2012; *Savickij S.* Kultivierte Erholung versus Reflexion: Funktion und Wahrnehmung des Parks von Peterhof Mitte der 1930er Jahre // *Die Gartenkunst.* 2013. 25. Jg. Heft 1: Gartenkultur in Russland / Hrsg. von A. Ananieva, A. Veselova und G. Gröning. S. 239–248; рус. пер.: *Савицкий С.А.* Формирование парка культуры и отдыха в Петергофе // *Новое литературное обозрение.* 2014. № 2 (126). С. 132–140.
- ² *Ebeneser H.* Garden Cities of Tomorrow. L., 1902.
- ³ *Делиль Ж.* Сады. Л., 1988.
- ⁴ ЦГАЛИ. Ф. 276. Оп. 1. Д. 37. Л. 11.
- ⁵ Московская 9. Дом Малышева (писателя Шишкова) // Энциклопедия Царского Села [Электронный ресурс]. URL: <http://tsarselo.ru/yenciklopedija-carskogo-sela/adresa/moskovskaja-9-dom-malysheva-pisatelja-shishkova.html#.VtiKlkCnFZh> (дата обращения: 09.09.2015).
- ⁶ ЦГАЛИ. Ф. 411. Оп. 4. Д. 1. Л. 40.
- ⁷ *Вагинов К.* Козлиная песнь. Романы. М., 1991. С. 357, 359.
- ⁸ *Кузмин М.* Дневник 1934 года. СПб., 2011. С. 37.
- ⁹ ЦГАЛИ. Ф. 411. Оп. 4. Д. 1. Л. 26а.
- ¹⁰ Там же. Д. 4. Л. 12а.
- ¹¹ Там же. Д. 1. Л. 4–4а.
- ¹² Там же. Л. 27.
- ¹³ Там же. Д. 4 Л. 19.
- ¹⁴ Там же. Ф. 276. Оп. 1. Д. 37. Л. 11.
- ¹⁵ Там же. Ф. 411. Оп. 4. Д. 1. Л. 33.
- ¹⁶ *Кузмин М.* Указ. соч. С. 64.